

Как-то, просматривая почту союза «Чернобыль», обратил внимание на письмо из Чернигова. Его автор — Христофор Дмитриевич Середюк писал: «Ночью с 25 на 26 апреля 1986 года я находился на рыбалке на реке Припять в районе деревни Лелев. Слышал три не очень сильных хлопка, а потом увидел черный дым над главным корпусом ЧАЭС. Но не понял, что это такое... 8 мая уже собирали людей для прожига отверстия в барботерах, чтобы подать жидкий азот и постепенно охладить взорванный реактор... Начальником был Лугин Виктор Николаевич, потом — Артамонов Борис Николаевич...»

Постой, думаю, так мы же только что разговаривали с Борисом Николаевичем Артамоновым — начальником планово-экономического отдела СП «Комплекс». Он рассказывал о первых днях после аварии, о своих товарищах с Чернобыльского участка малой механизации, с которыми обещал сегодня вечером организовать встречу. Уж не тот ли это Христофор, о котором он часто вспоминал! Имя редкое, потому и запомнилось.

Вечером я пришел к ним в общежитие. Разговорились, и с первых же слов этих людей я понял, что Христофор — их боевой товарищ. Его не было рядом, но он был с нами в рассказах о тех первых, самых трудных, поистине героических днях.

Воспоминания участников ликвидации последствий аварии я записал на магнитофон. Вот они.

АРТАМОНОВ Борис Николаевич:

— До аварии на ЧАЭС я работал прорабом на Чернобыльском участке малой механизации. Жил в Припяти, в четвертом микрорайоне, поэтому взрыва в ночь на 26 апреля не слышал, пожара не видел.

Утром в субботу пошел в гараж за машиной: собирались с женой ехать на дачу. Смотрю — все дороги в городе перекрыты. Так часто бывало в выходные дни, когда проводились различные соревнования. Милиция никого не пропускала, но и ничего не объясняла. Только в 12.00 узнал об аварии от одного знакомого.

Уже 29 апреля вместе с другими мне пришлось начать работу по ликвидации аварии — грузили в Чернобыле песок, свинец. А 13 мая наш участок получил задание: прорезать отверстие в бассейне барботера 4-го блока для подвода трубопроводов.

К месту работы пробирались через кабельные каналы. Обстановка была тяжелой. Сверху постоянно что-то сыпалось. Проходы были узкие, оборудование тащили через них на руках. Один трансформатор весил тонну.

Работа продолжалась с 13 по 19 мая. Все это время мы жили в бункере, спали на нарах. Когда осталось пробить последние 10 миллиметров из 1600 мм, напряжение возросло. Одни говорили, что за стеной скопился водород, другие — что всю воду уже откачали, третьи пугали десятками тысяч рентген. Мы приняли меры предосторожности. Вначале пробили маленькое отверстие. Я замерял — все-

ВСПОМИНАЯ

го 40 рентген. Удача! Потом уже начали резать проход 700 на 1000 мм. Толщина, напомним, 160 мм, изнутри облицовано нержавеющейкой. Изрядно помучились.

Применяли аппарат для электродуговой сварки бетона. Температура на рабочем месте 70—80 градусов, кислорода вместо 20% по норме — всего 8%. Работали в противогазах, которые через каждые 40 минут выходили из строя. Потом и они закончились, пришлось использовать «лепестки».

Вместе со мной работали Николай Кулаго, Геннадий Медведев, Александр Максимов, Христофор Середюк, Виктор Плещеев. Впоследствии многие были награждены орденами и медалями.

Не подумайте, что работали мы за деньги. Нам сулили золотые горы, а когда пришло время платить, выдали по 500—600 рублей каждому. Это тем, кто работал в самом пекле! Иные кладовщики отхватили по тысяче и более, я уже не говорю об «организаторах» работы из числа бывших руководителей, которым достались и все лавры, и большие деньги. Пусть это останется на их совести. За людей обидно. Они заслужили большего.

КУЛАГО Николай Иванович, электрослесарь участка малой механизации:

— Авария на ЧАЭС застала меня на рыбалке.

Сижу, присматриваю за удочками. Светит луна. Тихо. Потом луну прикрыла тучка и вдруг сполох. Потом опять вспышка и хлопок, затем будто что-то посыпалось. Облако ушло, луна открылась. Я сказал жене, что, по-видимому, приближается гроза...

Утром еду на велосипеде домой, чтобы разбудить сына в училище. На КП в Шепеличах никого не пускают в город. Никто ничего не говорит. Я все-таки проскочил в Припять. Там полно машин, военных, но люди ходят как ни в чем не бывало: кто на базар, кто в магазин. Играют дети, гуляют свадьбы.

Все ждали, когда официально объявят об аварии на ЧАЭС. В субботу — ни-

льном все повторилось, как и у моих товарищей: переезд в село, устройство в чей-то дом и т. д.

Но я хочу сказать не об этом. Несколько раз приходил я на работу, спрашивал: не нужна ли моя помощь? Никто ничего не предлагал. Мои товарищи разъехались по родственникам, я жил в общестии сам. А в это время ребята уже два дня мучились над прожигом железобетонной стены. Я по профессии прожигист, и это, как говорится, мой хлеб. Но нераспорядительность Лугина помешала мне вовремя включиться в работу.

МАРКЕВИЧ Юрий Евгеньевич, машинист штукатурной станции:

— 27 апреля мы поеха-

даюте себе все мои товарищи. Наш начальник управления, говорят, получил 280 рентген. Интересно, где? Может быть, радиация больше влияет на начальство, чем на тех, кто непосредственно работает? Нечестно все это.

СТАРОВОЙТ Дмитрий Иванович, мастер участка малой механизации:

— 25-го апреля после работы я вместе с сыном уехал к родителям в село Старые Шепеличи. Жена с маленькой дочкой должна была приехать в субботу утром. От села до 4-го блока по прямой — 6 километров. Дом отца стоял на окраине. Выидеешь за сарай — все как на ладони: станция, город.

На следующий день товарищи сказали, что взорвался 4-й блок, Припять закрыта. В деревне никто ничего не знал. Вертолеты летают, тушат пожар. Все думали, что это какие-то маневры.

Сосед сказал, что 27-го будут эвакуировать Припять. Я подумал: зачем туда ехать, здесь — тишина, спокойно, может быть, и не достало до нас. Главное — семья со мной. Но, когда начали собирать деревенских детей для эвакуации, я забеспокоился. Пришел к школе, где ребят запи-

управления, вижу — все идет назад. Говорят, что взорвался 4-й блок. Жена была в деревне, сын — в школе. Поехал на поезд в деревню. Там все сажали картошку, никто ничего не знал. А ночью мы увидели пламя над блоком.

На следующий день собрались ехать в Припять, а нам говорят, что город уже эвакуировали. Ни документов, ни денег с собой у меня не было. Партизанским методом я все-таки проник в свою квартиру, взял деньги, документы. Только выхожу на улицу — меня останавливает милиция: откуда, мол, взялся? Показал им свой паспорт, отпустили.

Вернулся в деревню. Там давали йод с молоком. На другой день объявили, чтобы мы вывозили детей. А как и на чем? Прошел еще один день.

Наконец, поездом добрались до Чернигова. Людей — море, всех проверяют дозиметристы. Потом был Киев, Белая Церковь... Нам посоветовали пойти в больницу, проверить. Там нужных приборов не оказалось. Обратились в военный госпиталь. Прибор нашли, но пользоваться им никто не мог. Врач по телефону связался с Киевом и под диктовку специалиста начал нас проверять. Прибор «записал». Нас срочно переодели и на «скорой» отравили вместе с детьми в Киев. Ехали отгороженными от врача и водителя, чтобы, как я понял, не «заразить» их.

Б. Н. АРТАМОНОВ:

Подытоживая нашу беду, хотел бы сказать вот о чем. Обидно, что сейчас редко упоминается о Припяти, в которой все-таки проживало 55 тысяч человек. 28 апреля «Правда» сообщила только о том, что город эвакуирован 26 апреля. На самом деле, как известно, 27-го.

26 апреля 1987 года в Киеве на площади Жовтневої Революції пытались собраться жители Припяти и 30-км зоны. Однако все было сделано, чтобы этого не произошло. Люди все-таки собрались, но не знаю, кого было больше — пострадавших от аварии или представителей компетентных органов. А ведь мы не виделись друг с другом год, приехали со всех концов республики.

Грустные мысли одолевают, когда вспомнишь все это...

Материал подготовил
Юрий ТАРАНИН.

В АКТИВ МУЗЕЯ «ЧЕРНОБЫЛЬ»

МИНУВШИЕ ДНИ

чего, и только в воскресенье днем передали, чтобы мы взяли вещи первой необходимости, питание на два-три дня...

Я попал в Беневку, откуда потом началась эвакуация. Детей отвез к своим родителям. С собой у меня было всего 50 рублей. Хватило только на дорогу туда и обратно.

Б. Н. Артамонов рассказывал о том, как мы работали, в каких условиях. Все работало самоотверженно. И это не пустые слова. Завьялов, Плещеев теряли сознание, мы вывели их под руки. Не хватало кислорода. Но отношение к нам было непонятное. Обращаюсь к бывшему начальнику участка Лугину, что мы уже сутки голодные. Кто нас покормит? А он отвечает, что ничем нам помочь не может. Хорошо, солдаты делились своим пайком. И с противогАЗами было туго. Мы говорим, что задыхаемся в дыму, а нам отвечают: хорошо, подумаем. Думали сутки...

А начальство не выдержало испытания, сбегало. И Лугин, и Кузнецов — главный инженер управления.

МЕДВЕДЕВ Геннадий Алексеевич, слесарь участка малой механизации по прожигу железобетона:

— По радио сообщили, что мы вернемся домой через 2—3 дня, поэтому и прихватили мы с собой самое необходимое. В оста-

ли на рыбалку. Сели в лодки, поплыли в Белоруссию, до Довлядов. Там пробыли до 4 мая. И только когда увидели, что оттуда вывозят детей, поняли, что случилось страшное.

Добрались до Полесско-

го. Там я работал на штукатурной станции. Потом втроем поехали на 4-й блок. Работали по 12 часов без выходных полтора месяца, а в нарядах нам закрыли по 8 часов.

До сих пор не известно, сколько мы получили бэр. В конце 1986 года мне сказали: 0,5 бэра. Я начал рыться в журналах, нашел два своих накопителя — еще 9 рентген. Остальных накопителей не было. Сколько же я получил на самом деле? Такой вопрос

сывали по классам. Со мной было еще 10—15 таких семей. Нам говорят: ваш город эвакуировали, а мы отправляем только своих. Будет транспорт — отправим и ваших детей. Напрасно мы спорили с председателем сельсовета.

МАКЕЙЧУК Леонид Иванович, машинист погрузчика:

— 26-го апреля, как обычно, я шел на работу: техника должна работать и по выходным, а я был бригадиром. Дохожу до